

МОЯ УКРАДЕННАЯ КОРОЛЕВА

18+

Элина Кова

Моя украденная королева

<https://litres.ru/74690793>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — принцесса из южного дворца, чья семья пала под ударом варварского топора. Он — принц Севера, чье сердце выжжено жадой мести. Когда замок атакован, Ариадина надевает маску служанки, чтобы спастись от гибели. Но Ксарен видит в ней не добычу для выкупа, а инструмент войны.

В ледяных стенах Гритхольма она учится ненавидеть так же сильно, как он любит убивать. Их союз — это сделка с дьяволом ради спасения народа. Каждый поцелуй — клеймо на её душе, каждый приказ — шаг к власти над империей, построенной на пепле их прошлого.

Это история о том, как любовь рождается из самой темной ненависти, когда единственный способ победить врага — стать им самим.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Элина Кова

Моя украденная королева

Глава 1

Солнце пробивалось сквозь высокие свинцовые переплёты окон библиотеки, расчерчивая мраморный пол золотыми клетками. В одной из таких клеток сидела принцесса Ариадина. Когда в замке не было гостей, она ничем не выдавала своего титула: вместо тяжёлых шёлков и удушающих корсетов на ней было простое льняное платье, перехваченное на талии плетёным шнуром. Она не замечала игры света. Перед ней лежал открытый фолиант, но перо в тонких пальцах замерло над пергаментом. Сказки больше не писались — теперь она пыталась переписать собственную судьбу.

«...и тогда принц посмотрел на оборванную крестьянку не с жалостью, а со страхом, осознав, что в её руках была власть куда большая, чем у него — власть уйти».

— Мрачновато для сказки, — раздался за спиной низкий, рокошующий голос.

Ариадина вздрогнула, быстро захлопнув книгу, но тут же расслабилась. Тень, упавшая на страницы, принадлежала отцу. Король Эдмунд вошёл бесшумно, как умел только он — огромный мужчина, чья борода уже серебрилась на висках,

но плечи всё ещё носили тяжесть боевого доспеха лучше, чем парадного камзола.

— Я пишу правду, отец, — улыбнулась она, поднимаясь и позволяя ему поцеловать себя в лоб. — Правда редко бывает похожа на сахарную пудру.

Король тяжело опустился в кресло напротив. Его взгляд был тёплым, когда он смотрел на дочь, но в самой глубине зрачков плескалась тревога, которую он плохо скрывал даже от неё.

— Твоя правда однажды лишит тебя головы, милая. Или мужа. Как продвигается портрет графа Валериана?

Сердце Ариадины ухнуло вниз. Граф Валериан. Пожилой, дважды вдовец, чьи земли граничили с их королевством на востоке. Земли, которые нужны были короне.

— Он ждёт меня сегодня в галерее после полудня, — ровно ответила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — У него очень симметричное лицо. Левый глаз почти не косит.

Эдмунд хмыкнул, но веселья в этом звуке не было.

— Симметрия лица обеспечит тебе ровный ряд наследников, Ариадина. А его казна — броню нашим восточным рубежам. Варвары с севера становятся слишком дерзкими. Мне нужен этот союз. И мне нужно, чтобы ты перестала смотреть на будущего супруга как на неудачный черновик романа.

Здесь должна проявиться её мягкость, смешанная со сталью. Она подошла к отцу и положила руки на резные подло-

котники его кресла, заглядывая снизу вверх. Нежность, которая обезоруживала придворных дам, на короля всегда действовала иначе — она заставляла его чувствовать вину.

— Я люблю нашу семью, отец. И наше королевство. Я выйду замуж так, как ты скажешь. Ты знаешь это. Но я прошу лишь об одном: не отдавай меня человеку, который потребует мою волю вместе с моей рукой. Я буду хорошей королевой. Я рожу крепких сыновей. Но если он попытается запереть мои книги или запретить мне говорить — я стану плохим подарком. Соседи будут смеяться, глядя на то, как твой дипломатический старец рыдает по ночам в подушку.

Она говорила тихо, почти шёпотом, но каждое слово было взвешено. Это и есть её твёрдый характер: абсолютное спокойствие перед лицом чужой власти.

Король долго молчал, разглядывая лицо дочери. Она была очень похожа на свою мать: длинные волосы цвета молочного шоколада, светлые зелёные глаза, пухлые губы. Её красота была неопишуемой. Он видел в ней спокойствие своей почившей жены, но характер — весь его, выкованный из того же упрямства.

— Ты слишком остра для шёлковых простыней, девочка.

— Зато ими удобно перерезать горло, — усмехнулась Ариада, возвращаясь к своему столу. — Не бойся, отец. Я не опозорю наш род. Я просто хочу знать, смогу ли я дышать в той клетке, куда ты меня посадишь ради мира.

В библиотеку впорхнула Лианна. Младшая сестра была

полной противоположностью Ариадины — звонкая, быстрая, вся состоящая из смеха и летящих шёлковых лент. За ней степенно вошёл Эдвин, старший брат, с неизменным мечом у пояса.

Утро наполнилось привычным семейным теплом. Они говорили о пустяках: Эдвин жаловался на ленивых новобранцев, Лианна показывала новые ленты, купленные на рынке, король ворчал на налоги. Ариада впитывала эту атмосферу, словно губка. Вот оно, настоящее золото короны. Не то, что лежит в подвалах, а то, которое сидит сейчас рядом, дышит, спорит и любит друг друга. Мысль о том, что политический брак может разлучить её с братом и сестрой, кольнула сердце холодом. Она никому не покажет этого страха.

Позже, оставшись одна, она вернулась к письму. Но теперь слова давались легче. Она писала о силе, скрытой в слабости, о любви, которая не требует цепей, сама не понимая, что описывает свою собственную судьбу, до начала которой оставались считанные часы. Она запечатала свиток, адресовав его брату — «Прочти, когда начнёшь скучать по моим колкостям», — и спрятала в тайник за панелью.

Глава 2

Грохот раздался ровно через три минуты после того, как Ариадина спрятала свиток для Эдвина.

От первого удара задрожали витражи библиотеки. От второго — посыпалась штукатурка с потолка. Не было ни криков тревоги, ни звона сигнального колокола. Столица умерла раньше, чем успела проснуться. Гвардейцев отца вырезали во сне или перекрыли у ворот.

Ариадина поняла всё сразу: на них напали. Подбежав к брату и сестре, она приказала:

— Бегите в тайный проход за гобеленом. Я отвлеку их. Эдвин, нет времени на раздумья, позаботься о Лианне!

Эдвин не стал спорить с Ариадиной — времени на это не было.

— Я вернусь за тобой, сестрёнка.

Оттолкнув Лианну себе за спину, он рванул со стены гобелен с охотничьими угодьями. За тяжёлой тканью открылся чёрный провал тайного хода — их детская забава, которую отец когда-то приказал оставить для экстренных случаев. Брат втолкнул сестру в темноту. Лианна обернулась всего на секунду — её лицо исказил беззвучный ужас — и исчезла в сырой пустоте вслед за братом. Они успели. Дверь библиотеки содрогнулась под первым ударом тарана снаружи, отвлекая внимание варвара на шум. Спасены. Эта мысль при-

несла не облегчение, а ледяной коготь вины, сжавший сердце. Она осталась здесь одна.

Дверь распахнулась без стука.

В считанные секунды до того, как дерево разлетелось в щепки, Ариадина метнулась к погасшему камину. Пальцы судорожно зачерпнули жирную, холодную золу и размазали её по лицу, превращая благородные черты в маску замарашки.

Он заполнил собой весь проём — огромный, залитый чужой кровью с головы до ног. На нём был доспех из грубой кожи. Движения стремительные, экономные, словно у волка, высматривающего последнюю овцу в загоне. Искал выживших монархов.

Их взгляды встретились.

На долю секунды время остановилось. Он ожидал увидеть гордую принцессу, но увидел чумазую девчонку с перепачканным сажей лицом и безумными глазами. Угроза? Нет. Просто грязь, копошащаяся в разгромленной комнате. Его инстинкты хищника, настроенные на поиск жемчужин среди мусора, даже не дрогнули. Он искал монархов, а нашёл прислугу.

Это длилось мгновение. Достаточно долгое, чтобы понять: если он узнает правду, он закончит начатое. Никакой выкуп, никакие переговоры. Уничтожение династии должно быть полным.

Инстинкт выживания оказался быстрее гордости. Словно

марионетка, у которой обрезали нити, Ариадина рухнула на колени. Но прежде чем тело полностью подчинилось страху, боковым зрением она уловила движение.

— Господин... они побежали туда... стража... убили всех... я просто пыль... — забормотала Ариадина, тыча пальцем трясущейся руки в сторону разгромленной галереи, подальше от тайного хода. Подальше от единственного шанса её семьи.

Варвар поморщился. Ему была отвратительна эта человеческая слизь, копошащаяся под ногами во время большой охоты. Он пришёл вырезать опухоль, а не марать руки об прислугу.

— Прочь с дороги, — хрипло бросил он на ломаном имперском, переступая порог.

Он прошёл мимо, едва не задев её плечом, направляясь к королевским покоям. Шаги стихли в глубине коридора вместе с коротким, оборвавшимся звуком падения тела. Отец.

Ариадина осталась сидеть на полу. Когда всё стихло, она медленно разогнулась. Колени дрожали. Губы были искусаны в кровь. Удалось ли им уйти далеко? Живы ли они? Она не знала ответа. Пепел на лице смешивался со слезами, оставляя на щеках грязные серые дорожки.

Ксарен был огромен даже по меркам своего народа. Высокий, широкоплечий, с густой смоляной гривой волос, перехваченной простым кожаным шнурком. Его лицо пересе-

кали старые белёсые шрамы. Сильная мужская красота хищника, привыкшего брать своё силой. Он стоял посреди разорённого отцовского кабинета, брезгливо глядя на капитана своей гвардии.

— Докладывай, — голос Ксарена прозвучал низко, заставив дрогнуть пламя свечей.

— Король мёртв, мой господин. Как и его гвардия. Город пал меньше часа назад.

— Наследники?

— Принц Эдвин и принцесса Лианна ушли. Мы потеряли след в старой части замка. Вторую, принцессу Ариадину, мы так и не нашли.

— Я видел служанку, — перебил Ксарен. — Растерянная, грязная девка с пустыми глазами и разбитым лицом. Что с ней?

— Она пыталась направить нас по ложному следу, указывала в галерею. Мы можем прикончить её. Никто не станет искать прислугу.

Ксарен качнул головой. Он подошёл к высокому окну, выходящему на горящую столицу. Пожар отражался в его тёмных, спокойных глазах. Варвар был дипломатичен; он умел считать выгоду лучше многих купцов.

— Нет. Не трогайте её. Мне не нужна бессмысленная кровь тех, кто не держит оружия. Эдвин — воин, он возглавит сопротивление. Лианна — заложница. Девка бесполезна живая и мёртвая. Почти.

Он развернулся. В его взгляде мелькнул холодный интерес коллекционера.

— Приведите её сюда. Я заберу её с собой. Есть в ней что-то... неправильное. Хочу посмотреть поближе, когда спадёт первый жар. Упакуйте как трофей.

Когда двое воинов швырнули Ариадину обратно в кабинет, Ксарен уже затягивал ремни своих ножен. Её бесцеремонно скрутили, обмотав запястья жёсткой конопляной верёвкой, заткнули рот вонючим кляпом. Она извивалась, мычала, пытаясь впиться зубами в чужие ладони, но силы были слишком неравны. Один из варваров легко, словно пушинку, взвалил её на плечо. Перед тем как мир перевернулся, Ариадина успела увидеть сапоги Ксарена — он перешагивал через тело её отца, даже не удостоив его взглядом.

Её бросили поперёк лошадиного крупы лицом вниз. Шерсть воняла потом и мокрой кожей. Связанные руки мгновенно занемели под собственным весом, каждый удар копыт отдавался тупой болью в животе и груди. Она попыталась бить его связанными ногами по бокам животного, надеясь заставить сбросить ношу, но всадник лишь сильнее сжал коленями бока коня. Тогда она начала колотить кулаками по его твёрдому бедру. После третьего удара огромная ладонь опустилась сверху, намертво припечатав её кисти к горячей коже седла.

— Ещё раз дёрнешься — сломаю запястья, — лениво пообещал знакомый рокочущий голос. — Ты моя вещь. Вещи

должны молчать.

Она замерла, захлебываясь бессильной яростью и шерстяной пылью. Дорога превратилась в бесконечную пытку тряской, запахом крови и глухим отчаянием.

Когда мешок сорвали, ночь обрушилась мириадами звёзд. Холодный воздух обжёг лёгкие. Ноги, сведённые судорогой, отказывались держать. Двое солдат грубо поставили её на землю, придерживая за связанные локти, пока она не перестала шататься.

Ксарен спрыгнул с вороного жеребца. Он выглядел таким же свежим, как и в начале пути, в то время как её платье превратилось в лохмотья, а волосы слиплись от пота и грязи. Правую руку простреливала острая боль: костяшки пальцев были разбиты в кровь.

Он подошёл вплотную, заслоняя собой луну. Ариадина инстинктивно попыталась отступить, но связанные руки лишили её равновесия. Она пошатнулась и наверняка упала бы, если бы он не поймал её за горло. Хватка была стальной, но не душащей — просто утверждающей власть. Варвар даже не посмотрел ей в лицо. Его взгляд скользил по её фигуре оценивающе и брезгливо, как мясник смотрит на тушу. Затем он перевёл глаза на свои испачканные её кровью костяшки, хмыкнул и толкнул её одному из солдат.

— Заприте в моей палатке. И глаз не спускать. Если хоть один волос упадёт с её головы до рассвета, отвечаете своими. Утром разберусь, зачем судьба подкинула мне этот мусор.

Глава 3

Полог тяжёлой кожаной палатки упал, отрезая её от лагерного шума. Её швырнули на брошенную у входа солому. Верёвки на ногах затянули так туго, что стопы мгновенно онемели. Сил стоять больше не было. Ариадина свернулась клубком, подтянув колени к груди, проваливаясь в лихорадочную дрему.

Она проснулась оттого, что вошёл Ксарен. Факел снаружи отбрасывал на его лицо глубокие тени, превращая шрамы в белые трещины. Он закрыл за собой дверь, и они остались одни в тесном пространстве.

Он не стал зажигать лампу. Просто присел перед ней на корточки. Пространство палатки сократилось до размеров гроба.

— Имя, — бросил он, скидывая с себя перевязь с мечом. Ножны тяжело ударились о походный сундук.

Ариадина молчала. Горло пересохло настолько, что любое слово могло выдать её происхождение своим выговором. Любая дворянка назвала бы титул. Любая крестьянка завывала бы. Молчание было единственным безопасным ответом, но под этим взглядом оно звучало как вызов.

Ксарен медленно протянул руку. Пальцы, привыкшие сжимать рукоять топора, сомкнулись на её челюсти — жёст-

ко, почти ломая кости.

— Я могу спросить ещё раз. А могу начать вырывать ногти. Выбирай.

Инстинкт выживания ударил в кровь ледяной волной. Нужно было дать ему хоть что-то. Что-то простое, серое, незаметное. То, чего никогда не хватает.

— Марта, — выдохнула она. — Меня зовут Марта.

Ксарен прищурился. Отпустил её челюсть так же резко, как и схватил. Провёл большим пальцем по костяшкам другой руки, стирая выступившую от напряжения кровь. Он смотрел на неё долго, изучающе. Принцессы смотрят иначе. Служанки тоже. В этой девчонке была пугающая пустота человека, который понял, что терять больше нечего.

— Ложь, — спокойно констатировал он спустя минуту. — Но хорошая. Выдержишь три дня без воды с такой выдержкой? У монархов хребет гнётся раньше.

Он поднялся, нависая над ней тёмной громадой.

— Раздевайся, — приказал он, отворачиваясь к очагу подбросить дров. — До белья. Хочу посмотреть, на твои синяки от скачки.

Ариадины стояла неподвижно. Страх сменился ледяным пониманием: допрос только начался, и правила этой ночи пишет он. Она двигалась медленно, механически, как кукла с перерезанными нитями. Пальцы плохо слушались — верёвки стянули запястья слишком туго. Ткань рубашки упала к ногам грязными лохмотьями. Прохладный воздух палат-

ки коснулся кожи, покрытой дорожной пылью и солью. Она осталась лишь в тонкой нижней сорочке, которая ничего не скрывала.

Ксарен не торопил. Он просто смотрел. Его взгляд больше не был взглядом насильника или палача. Это был холодный, отстранённый взгляд анатома или торговца лошадьми. Он обошёл её по кругу, разглядывая фигуру без тени вожделения.

— Стой ровно, — бросил он, когда она инстинктивно попыталась прикрыться руками. — Руки за голову. Замок.

Она подчинилась. Мышцы живота напряглись. Ксарен шагнул вплотную. Его огромная ладонь легла ей на ключицу, плотно, властно, и медленно двинулась вниз, прощупывая каждый дюйм грудной клетки, талии, бедра.

Он искал синяки. Искал следы от мужских пальцев, которые могли бы объяснить её происхождение для будущего покупателя. Но кожа была чистой. Для девки, которую волочили по степи привязанной к седлу, её тело выглядело оскорбительно нетронутым. Ни следов от шпор, ни кровоподтёков на бёдрах, ни сбитых в кровь коленей.

Его пальцы сомкнулись на её предплечье там, где кожу пересекали багровые полосы от сыромятной верёвки. Он повернул её руку, изучая рану.

— Ты не пыталась сбежать, — констатировал он. — Не билась в припадке. Даже сейчас твои руки не дрожат так сильно, как должны были бы. Почему?

Ариади́на закусилá губу́ до крови́. Солоноватый вкус во рту помогал сосредото́читься.

— Я эконо́млю силы́, госпо́дин, — прошептала она. — Если я упаду́ в обмо́рок сей́час, вы меня́ раздене́те сами́. Если я буду́ крича́ть, вы мне заткне́те рот кля́пом. Резу́льтат один. Так заче́м трати́ть дыха́ние?

Ксарен замер. Ожидал слёз, проклятий, попыток ударить или соблазнить. Эта логика — холодная, математическая логика загнанного зверя, знающего, что любая борьба сделает только большее — выбивала почву из-под ног. Она играла по его правилам лучше, чем он сам.

Он отпустил её руку и отступил на шаг. В тесной палатке внезапно стало тесно уже ему.

— Одевайся, — глухо приказал он.

Пока она трясущимися пальцами натягивала мокрую, за́дубевшую от соли руба́шку, он молчал. Внутри ворочалось раздра́жение. Она оказа́лась беспо́лезна как нало́жница — сли́шком го́рда и за́мкнута. Беспо́лезна как исто́чник инфо́рмации — молчала. Но эта пу́стота вну́три неё... она пугала и заво́раживала однове́ременно. Сло́вно он купи́л шкату́лку, полную́ песка́ вме́сто зо́лота, но са́ма шкату́лка сде́лана из редчайшей ста́ли.

— Ло́жись, — кивну́л он на соло́му. — На живо́т.

Она ожида́ла уда́ра по спи́не. Или но́жа. Но Ксарен опу́стился ря́дом сно́ва. Его дви́жения поте́ряли пре́жнюю ре́зкость, ста́в почти́ осто́рожными. Он се́л на её но́ги, при́давив

их своим весом, чтобы не дергалась.

— Будет больно, — предупредил он, прежде чем его горячие ладони легли ей на позвоночник.

Он начал мять узлы мышц у лопаток с силой кузнечно-го пресса. Ариадина вскрикнула, выгнувшись дугой, но тут же подавила звук, вцепившись зубами в рукав собственной рубашки. Это было хуже побоев. Это было похоже на то, как мясник разделывает тушу, добираясь до самых глубоких жил. Он давил на точки, о существовании которых она даже не подозревала, высвобождая скопившуюся за трое суток судорогу. Боль была ослепительной, белой.

Когда он закончил, всё её тело превратилось в кисель. Ноги и руки отказывались повиноваться. Легкие жадно хватали воздух.

Ксарен поднялся, тяжело дыша. Работа с ней требовала усилий. Он плеснул воды из кожаного бурдюка в помятую оловянную кружку и сунул край ей в губы.

— Пей. Медленно.

Вода текла по подбородку, смешиваясь со слезами, которых она даже не заметила.

Он убрал кружку, посмотрел на её совершенно разбитое, расслабленное тело. Затем накрыл её плащом, подоткнув края, словно заботливая нянька. Этот контраст между жестокостью его рук и аккуратностью движений сводил с ума.

— Спи, Марта, — сказал он, направляясь к выходу. — Завтра мы пересечем границу Раввинов. Там ты переста-

нешь быть моей проблемой и станешь моим капиталом. Постарайся дожить.

Дверь закрылась. Ариадина лежала в темноте, укрытая его теплом. Её трясло — теперь уже не от холода, а от отходняка после болевого шока. Но впервые за эти дни она чувствовала не только страх. Где-то глубоко под слоем унижения и отчаяния шевельнулось нечто иное. Понимание.

Он не сломал её. Он пытался понять, почему она не ломается. И это делало его опаснее любого садиста.

Утром Ариадину вновь швырнули поперёк крупа чужого коня лицом вниз. Они миновали сожжённые деревни. На второй день пути закончилась даже та тёплая, тухловатая вода, что была во флягах. Солнце, огромное и белое, висело над головой, выжигая остатки зелени из сухой травы.

К полудню белая соль выступила на растрескавшейся земле. Ариадина умирала, повиснув на верёвке тяжёлым, мёртвым грузом, чувствуя лишь горячее бедро варвара под своей щекой всякий раз, когда конь переходил на рысь.

На третье утро они вышли к редким низкорослым рощам. Воздух стал влажнее. Лагерь разбили у мутной, заросшей камышом речушки. Вода была жёлтой, пахла гнилью, но сейчас она казалась божественным нектаром.

Её подтащили к берегу, толкнули лицом в прибрежную жижу.

— Пей, — приказал Ксарен. — Но если попытаешься уто-

питься — останешься кормить пиявок.

Она пила долго, судорожно, пока желудок не скрутило спазмом. Когда ей позволили поднять голову, лицо и грудь были вымазаны в зелёной тине. Варвары смеялись. Рорк отпускал сальные шутки. Ксарен оборвал их одним взглядом. Он присел перед ней на корточки. Теперь их лица были на одном уровне.

— Почему ты всё ещё жива? — спросил он вполголоса. — Три дня без еды. Два — почти без воды. Ты должна валяться в лихорадке.

Ариадина сглотнула. Жёлтая вода плескалась внутри тяжёлым комом. Она посмотрела ему прямо в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.